Мягков Герман Пантелеймонович
д-р ист. наук, профессор
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»
г. Казань, Республика Татарстан
Иванова Татьяна Николаевна
д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

БИОГРАФИКА: ЭТАПЫ ДИСЦИПЛИНАРНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье предметом изучения является более чем вековой процесс складывания в России биографики как научной дисциплины. Выделены его этапы, показана связь оформления дисциплинарности биографики с основными тенденциями развития гуманитарного знания.*

Ключевые слова: *биография, биографика, биографистика, биографический поворот, биографический метод, новая биографика.*

В современном науковедении одной из ведущих тем является дисциплинарный принцип организации знания [10, с. 12]. Развитие жанра биографии, отвечавшее возраставшему интересу общества к биографическому изучению всех сфер жизни общества [30, с. 123–131; 2, с. 234], выдвинуло в повестку дня создание соответствующей научной дисциплины со специальным понятийным аппаратом, исследовательским инструментарием, сложившейся системой междисциплинарных взаимодействий. Обращение к историографии вопроса позволяет выделить и описать, по меньшей мере, три этапа теоретико-методологического поиска в отечественной социогуманитарной мысли, приведшего к конституированию биографики.

Первый этап биографики, дореволюционный: происходит формирование биографического сознания, появляются первые опыты теоретико-методологического

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

осмысления биографоведения, практически сегодня не известный [3, с. 39]. Опираясь на предложенный И.Л. Беленьким метод обращения к энциклопедическим изданиям, можно наметить реперные точки.

Характерное определение биографии как специфического жанра уже содержится в увидевшем свет в 1863 г. «Настольном словаре», составленном под ред. Ф. Толля. Читаем:

«*Биография* (*греч.*), *жизнеописание, изображение жизни какого-либо лица с внешней и внутренней, умственной и нравственной стороны. Она отлична от внешнего изложения гл. моментов жизни, равно и от некролога, в коем еще более внешним образом излагаются годы рождения, важнейших событий жизни и кончины*». Биографу, «*лицу, написавшему одну или несколько биографий*», продолжает далее автор «Словаря...», «*необходимы: знания человеческого сердца, короткое знакомство с обстоятельствами жизни описываемого лица, любовь к истине и полное беспристрастие, а при изображении всемирно-исторических личностей – глубокое знание той эпохи, в коей жили они. Особый род биографий суть автобиографии, к разряду коих относятся мемуары*» [17, с. 263].

Суть подобного понимания предмета и черт деятельности биографа, на наш взгляд, выражена, и в «первой, – по определению И.Л. Беленького, – специальной статье энциклопедического характера о биографических жанрах», опубликованной на страницах «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в 1891 г.:

«*Биографией называется изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки. Как произведение научное, биография не ограничивается изложением внешних фактов из жизни избранного лица, а стремится проследить ход духовно-нравственного развития этого лица; как произведение художественное, она должна уловить сущность его характера и представить его в ярком образе*». И далее биография отделяется от «*curriculum vitae, дающего голый перечень главнейших фактов из жизни данного лица»,* от некролога и автобиографии [1, с. 33].

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Нетрудно заметить, что фактически автор статьи в «Энциклопедическом словаре» 1891 г. более развернуто и красочно повторил идеи статьи 1863 г. Обращает на себя сделанный в обеих статьях акцент на «*знании человеческого сердца*», на изучении *«хода духовно-нравственного развития»* героя биографии. Статья 1863 года оригинальна тем, что выдвигает важный принцип «*глубокого знания той эпохи»*, в которую жил герой.

Духовная и научная жизнь России XIX в. отмечена тем, что биографическим изучением были охвачены все сферы жизни страны: политическая, социально-экономическая, культурная, духовная (включая религиозную) [2, с. 234]. Впечатляют масштабы создаваемых биографических изданий. Укажем подготовленные С.А. Венгеровым «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных» (т. 1–5. СПб., 1889 – 1904; не окончен), библиографический свод «Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках» (т. 1–3. СПб., 1895–1899, не окончен), «Источники словаря русских писателей» (т. 1–4. СПб., 1900–1917) и др. Популярны были словари, содержащие биографии ученых (например: «Биографический словарь профессоров Московского университета 1755–1855» (т. 1–2. М., 1856; включает 256 биографий); «Биографический словарь профессоров университета св. Владимира 1834–1884» (Киев, 1884); «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904)» (Ч. 1 и 2. Казань, 1904) и др. Широко известен «Русский биографический словарь» (т. 1–25. СПб., 1896–1918), справедливо считающийся лучшим академическим справочником по русской истории.

Закономерно, что в осмысление «биографического элемента» включались известные специалисты. По сути, к определению предметной области биографики подошел Н.И. Кареев. Ученый, которому было свойственно улавливать новые веяния в развитии социогуманитарного знания, своим признанием, что «альфой и омегой изучения общества и его истории», а равно «центром группировки всех элементов культуры» является человеческая личность, заступал дорогу фактически изгонявшей личность из истории позитивистской доктрине. В своей «Теории

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

исторического знания» (1913), выясняя «место» в исторической науке «биографического элемента», и критикует как сторонников «старой позиции», привыкших «персонифицировать общественные процессы», так и тех «наиболее крайних представителей нового взгляда», которые под влиянием возникновения социологии «отрицали всякое научное значение за биографическими исследованиями в исторической литературе» [14, с. 305]. Кареев предлагает классифицировать интересы к личности, порождавшие разные жанры исследований (так, «профессиональный интерес» у военных обнаруживается к биографиям полководцев, у музыкантов – композиторов, у философов – к биографиям философов, у историков – к биографиям историков и т. д.); он «особо настаивает» на разнообразии интересов, «какие могут существовать у нас к жившим раньше, как и к ныне живущим людям...». Для историка, полагает Кареев, руководящими должны быть «две точки зрения» на личность: первая – ее можно полагать прокламирующей проблемный подход – использование «биографического материала» для характеристики общественного строя, общественных движений и т. п. Вторая – собственно изучение «биографического элемента» – жизни и деятельности участников событий, деятелей истории. Диалектический смысл реализации этих двух подходов не только в том, что преодолевалась «стремление создать «историю без собственных имен» – это «останется навсегда утопией», но решалась задача «научного понимания эпохи»: «Чем больше автор ставил себе индивидуально-психологическую задачу, тем менее он думал об истории, и, наоборот, чем более интересовался «временем» и в виду этого чем больше разрабатывал вопросы коллективно-психологического и социологического характера, тем больше из биографа превращался в историка» [14, с. 312].

Второй этап биографики, относимый исследователями к 1910–1920-м гг., когда усилиями Н.А. Рыбникова (1880–1961), И.Т. Филиппова (1888–1927), Г.О. Винокура (1896–1947) входит в науку и сам термин «биографика». В это время выдвигается программа организации Биографического института как междисциплинарного научного центра массовой биографической документации и исследований, ставятся принципиально важные теоретические вопросы изу-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

чения биографии в контексте изучения гуманитарного знания [3, с. 41–40; 7]. И.Л. Беленький сожалеет, что опыты разработки теории биографии с феноменологических позиций так и остались нереализованными [3, с. 41].

Закономерно, что, фиксируя состояние научной рефлексии в означенной области к рубежу 90-х годов XX в., Э.Ю. Соловьев так оценит ситуацию: «*Биография как жанр исторической литературы существует уже в течение семи веков. Однако я затрудняюсь назвать хотя бы одно монографическое исследование, в котором прослеживалась бы долгая эволюция этого жанра и ставился бы вопрос о методологическом своеобразии работы биографа*» [31].

В известном смысле отставание теоретической разработки проблем биографики не было случайным. Вызов социологии был столь силен, что историки перенесли акцент на изучение истории масс, социальных групп. В годы становления «Анналов» Люсьен Февр, констатируя, что историки продолжают находиться в плену двухчленной формулы «личность – общество», подверг критике «историю, аристократку по рождению», за то, что она «столетиями взирала – а нередко взирает и по сей день – лишь на Королей, Князей, Вождей и Полководцев – словом, на людей, которые «творят историю» [32, с. 98]. Провозглашая задачу выяснить, «кем являются эти чарующие личности, эти «исторические фигуры», уже основатели «Анналов» переворачивают «пирамиду»: изменяя объект исторического исследования, они провозглашают таковым не личность, а все общество в целом: «Да и можно ли представить себе человека – в том числе историческую личность, – восклицал Л. Февр, – в качестве некой самостоятельной, независимой и обособленной силы, в качестве первозданного и непосредственного источника творческой энергии, если каждый человек подвержен столь сильным влияниям, дошедшим из глубины веков или порожденных теперешней средой...» [32, с. 98]. Эта позиция замечена в постсоветской историографии. А.Я. Гуревич в число «уроков Люсьена Февра» относит то, что «Интеллектуальная биография личности, по Февру, не что иное, как история общества, достижения его героев коллективно обусловлены... Не герой творит эпоху, а эпоха делает героя, и ее нужно «прочитать» в текстах, им составленных.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«Круг определяет центр», и те же Рабле и Лютер не «герои эпохи», а ее «герольды» (9, с. 506–507).

Тенденция умаления роли индивида взяла верх, «субъект» фактически изгоняется ради изучения структур. Отмечен парадокс, что «в то самое время, когда в социальных науках происходила «субъективистская революция», история все больше переключалась на изучение структур, систем и институтов, формаций, способов производства, идеологических систем и религий, – «словом, чем угодно, но только не историей человека как индивида и общественного существа. Исторический субъект был выведен за рамки исследования или, по меньшей мере, нейтрализован, что на практике привело к усилившемуся безразличию по отношению к сознанию и воле действующих лиц» [30, с. 128].

В литературе достаточно единодушно называют 70–80-е годы прошлого века временем, когда на самосознание профессиональной историографии стали оказывать развертывавшиеся в условиях современной методологической революции «повороты» – «лингвистический», «антропологический», «культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и др. Исследователи фиксируют «возвращение субъекта истории», «новый «синтез» человеческих действий, опыта и структур», а равно возрождение «биографического подхода» [25; 26; 27; 30, с. 128–130]. Л.П. Репина справедливо видит причины разворота историков к последнему, «общий импульс» к «возрождению «персонального» подхода» в «неудовлетворенности... тенденцией к дегуманизации и деперсонализации исторических субъектов не только в социологизированной, но и антропологизированной истории» [26, с. 56]. Но это, как показывает исследователь, не было возвратом к старому, а рождение, по сути, нового, обогащенного и существенно обновленного жанра [26, с. 57–66]. Преодолевая господствовавшие прежде марксистскую и структуралистскую парадигмы, историки, прежде всего в признанных выдающимися примерами книгах, отходят от традиций прямолинейных биографий, превозносящих или порицающих «Menschen, die Geschichte machen», используют достижения многих гуманитарных дисциплин. Особо примечательно, что авторы стремятся представить раз-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

личные точки зрения на своих героев, демонстрируют сам процесс «рождения» их образов через столкновение взглядов «Pro et Contra» – сторонников и противников.

В результате к рубежу столетий резко активизировались *два* взаимосвязанных процесса: *первый* – нарастающий буквально по экспоненте объем исследований биографического жанра; *второй* – активное стремление исследователей осмыслить происходящие процессы, не только приводя в соответствие теоретическую мысль с практикой, но и посредством создания соответствующего теоретического, методологического, концептуального арсенала давать ответы на вызовы времени. Результатом стало наименование первого процесса такими понятиями, как «биографический бум», «ренессанс персональной истории». Исследователями признан как успешно развертывающийся «биографический поворот» и формирование «новой биографики», которая, подобно другим «методологическим поворотам», призвана порождать новые варианты изучения прошлого. О содержании текущего этапа историографической революции см.: [28; 15].

Итак, можно говорить о *третьем этапе – этапе «новой биографики»*. Его характерная черты – появление исследований, в которых она сама выступает предметом осмысления. Признанным стало определение биографики, данное авторитетнейшим исследователем, одним из ее создателей И.Л. Беленьким. Биографика – это «*система философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции*» [3, с. 38].

Подводя итоги обзора истории становления биографики как научной дисциплины, можно констатировать, что задача преодоления отставания теоретической мысли от практики биографописательства успешно решается. Созданы труды, в рамках которых биографика выступала специальным предметом изучения [3; 4; 6; 8; 13; 19], а главное, определяются пути – «траектории» обновле-

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ния «старого» биографизма» [12; 16; 20–23]. Новая биографика, прокламируя новые принципы выбора персоналий, приращение проблемного поля, заботясь о повышение трансдисциплинарности, вводя в исследовательскую практику интерпретативные методы, выделяя модели, типы биографических исследований и т. д. и т. п., одним словом, совершенствуя инструментарий историка, становится своеобразным алгоритмом в реконструкции и изучении биографий, нацеливая оптику исследователя на выявление и осмысление «человеческой индивидуальности» [19; ср. 18; 11; 20, с. 68–69]. Можно фактически говорить о столетнем пути российской отечественной биографистики, прошедшей сложный путь от кареевских идей до признания, что прогресс современного биографического жанра связан с искусством реализации идеи-концепта: создание биографии «исторических индивидов» должно рассматриваться *одновременно* «и как главную цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [24, с. 301–302].

Список литературы

1. А.Я. Биография и биографические сборники // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1891. – Т. IV. Полут. 7. – С. 33–36.

2. Беленький И.Л. Биографика // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: Т. 1: А–Д. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – С. 211–212, 234.

3. Беленький И.Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Кругъ, 2005. – С. 37–54.

4. Валевский А.Л. Биографика как дисциплина гуманитарного цикла // Лица. Биографический альманах. – СПб., 1995. – Вып. 6. – С. 32–49.

5. Валевский А.Л. Основания биографики. – Киев: Наукова думка, 1993. – 110 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

6. Вахромеева О.Б. Биографика. Методика написания биографий: учебник. – СПб.: ЛЕМА, 2013. – 180 с.

7. Винокур Г.О. Биография и культура. –2-е изд. – М., 2007.

8. Голубович И.В. Биография: силуэт на фоне Humanities (Методология анализа биографии в социогуманитарном знании). – Одесса: СПД Фридман, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zavantag.com/docs/1064/index-20557.html?page=13

9. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501–541.

10. Дмитриев А. Дисциплинарные порядки в гуманитарных и социальных науках // Науки о человеке: история дисциплин: коллект. моногр. / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – С. 7–38.

11. Добровольский Д.А. Биографистика / Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, Н.В. Некрасова // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – М.: Аквилон, 2016. – С. 34–35.

12. Иванова Т.Н. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях / Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков // Историческое познание историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 167–176.

13. Иконникова С.Н. Биографика как часть исторической культурологии // Вестник СПбГУ-КИ. – 2012. – №2.

14. Кареев Н.И. Теория исторического знания (Историка) (Из лекций по общей теории истории. Ч. I). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 320 с.

15. Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в исторической науке после постмодернизма // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 7–22.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

16. Медведева Е.В. Классификация биографий как один из методов биографики в контексте исследований библиотечной отрасли // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. – 2016. – №2 (22).

17. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания / под ред. Ф. Толля. – В III т. – Т. I. (А–Дви). – СПб.: Издание Ф. Толля, 1863. – 952 с.

18. Некрасова Н.В. Биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аквилон, 2016. – С. 33–34.

19. Некрасова Н.В. Новая биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп.– М.: Аквилон, 2016. – С. 324–325.

20. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.

21. Попова Т.Н. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. 53. – М.: ИВИ, 2015. – С. 30–53.

22. Попова Т.Н. В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – М.: Аквилон, 2017. – С. 46–68.

23. Рейтблат А.Н. Этапы и источники построения биографического нарратива // Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. – М., 2014. – С. 211–226.

24. Репина Л.П. Историографическая наука на рубеже XX – XXI вв.: Социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.

25. Репина Л.П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 5–16.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

26. Репина Л.П. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2005. – С. 55–74.

27. Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы / отв. ред. Л.П. Репина. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 5–18.

28. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 32 с.

29. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек – Память – Текст. – Казань: Изд-во КГУ, 2001. – С. 344–360.

30. Савельева И.М. Теория исторического знания / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008. – 523 с.

31. Соловьев Э.Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). – М.: Политиздат, 1991.

32. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 630 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)